

Проблемы логики и методологии науки

ИСТИНА: ОТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ К НЕОПРЕДЕЛИМОСТИ (СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. ТАРСКОГО, МИНИМАЛИЗМ П. ХОРВИЧА И ФУНДАМЕНТАЛИЗМ Д. ДЭВИДСОНА)

Н.А. Тарабанов

Очерчиваются границы точного и значимого определения истины. Показано, что условию точного определения истины отвечает формулировка понятия истины в семантической концепции Тарского. Однако в силу своего экстенционального характера такая формулировка остается недоопределенной и в этом смысле «незначимой». Вопрос о значении понятия «истина» решается при обращении к дефляционной теории истины: «истина» ни к чему не отсылает, следовательно, является неопределимой. Вместе с тем сохраняется базовый характер «истины» в объяснении ее как фундаментального (дотеоретического и доаналитического) понятия.

Ключевые слова: истина, неопределенность, недоопределенность, понятие

Трудно найти какую-то другую проблему, материал для исследования которой был бы таким же противоречивым, как материал для исследования проблемы истины. Будучи философской категорией, развиваясь в рамках гносеологии, этики и в других областях, «истина» наполнялась самыми разнообразными смыслами, которые не столько проясняли сущность этого понятия, сколько еще больше его запутывали и усложняли. Однако вряд ли приходится сомневаться в том, что «истина» относится к числу самых фундаментальных и общезначимых философских понятий.

Из общезначимости философских категорий зачастую вытекает их неопределенность: как правило, о конкретном смысле каждой из них говорят исключительно по отношению к отдельно взятому фи-

лософскому учению. Отсутствие у категории истины четкого и ясного содержания стало причиной возникновения большого числа всевозможных философских теорий, концепций и представлений, которые по-разному трактуют смысл и сущность этой категории. Поэтому зачастую оказывается довольно проблематичным найти ответ на вопрос о том, *что же такое истина вообще*, поскольку, как правило, происходит подмена определения этого понятия его трактовкой с точки зрения соответствующего философского учения.

Вопрос «что есть истина?» правомерно задавать только в том случае, если изначально предполагается возможность определения истины, т.е. оправданность нахождения критериев того, что мы называем истинным. Между тем вопрос о том, *возможно ли в принципе определить истину*, должен предвращать любые вопросы о природе истины. От характера ответа на вопрос о правомерности каких-либо попыток определить истину зависит многое: если истина относится к числу неопределимых понятий, то нет смысла выявлять ее смысл и сущность посредством построения разнообразных теорий и концепций, поскольку вряд ли в этом случае удастся сказать об истине нечто большее по сравнению с тем, чем она сама по себе является.

Что значит «определить истину»? Под определением в данной статье понимается логическая операция, заключающаяся в придании точного смысла языковому выражению, который позволяет указать значение этого выражения [1]. Таким образом, определение истины должно отвечать двум основным требованиям. Во-первых, оно должно быть *точным*, т.е. не допускать неясности и противоречивости. Во-вторых, такое определение должно выявлять *значение* [2] понятия «истина».

К настоящему времени сложился достаточно широкий спектр теорий истины, которые конкурируют между собой. Приверженцы каждой из них пытаются по-своему определить понятие истины. Так, согласно корреспондентной теории (Аристотель, Б. Рассел и др.) истина есть соответствие мыслей действительности. В рамках прагматизма (У. Джеймс, Ч. Пирс и др.) полезность и практическая эффективность наших знаний принимаются как критерий их истинности. Представители когерентной теории истины (М. Шлик, Р. Карнап, Х. Патнэм и др.) считают, что изолированное утверждение не может быть истинным или ложным само по себе, а становится таковым лишь в рамках некоторой совокупности других утверждений.

Однако ни одна из этих теорий не проблематизирует саму оправданность попыток определения истины и уж тем более не ставит

задачу устранения понятия «истина» из теоретико-познавательного контекста. Между тем сегодня широкое распространение получает эпистемологический проект элиминации истины, призванный показать, что это понятие в некотором смысле оказывается избыточным. Сторонники такого проекта (Ф. Рамсей, Дж. Айер и др.), получившего название «дефляционная теория [3] истины», считают, что истина не имеет никакой природы, кроме той, которая схватывается в обычных утверждениях, типа ««снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел». Последнее утверждение является конкретным примером широко известной схемы эквивалентности А. Тарского, внесшего значительный вклад в прояснение проблем истины благодаря привлечению к ее анализу логико-математического аппарата.

Те дефиниции, которые даются в корреспондентной, прагматистской и когерентной теориях истины, не удовлетворяют условию точности определения, т.е. являются не до конца проясненными, а также вызывают довольно много вопросов, ответы на которые найти зачастую проблематично, что указывает на неопределенность истины. Так, проблемы корреспондентной теории связаны с отсутствием четкого определения понятий «действительность», «факт» и «соответствие». Неоднозначность трактовок этих понятий происходит из того, что в большинстве теорий корреспондентного типа они зачастую не проясняются, считаются интуитивно очевидными. Попытка определить истину с позиции прагматизма в конечном счете также терпит неудачу, поскольку наталкивается на проблему нахождения общего для всех критерия пользы, выступающего не определением истины, а лишь одним из критериев, который к тому же не является ни достаточным, ни необходимым. Отсутствие у сторонников когерентной концепции однозначного ответа на вопрос о том, можно ли выделить среди множества когерентных систем одну, более истинную, чем другие, является самым уязвимым местом этой теории, и ее основные проблемы упираются в конечном итоге в вопрос о системе истинных утверждений, которые могут избираться лишь на основе полагания. Поэтому конвенционализм можно рассматривать как разновидность когерентной концепции, а проблемы когерентизма во многом переносятся и на конвенционализм. Однако имеются достаточные основания говорить о том, что проблема точности определения истины во многом может быть решена благодаря сформулированной Тарским семантической концепции.

Недоопределенность истины: ограничения точной дефиниции

Критерии точного определения истины в семантической концепции. Тарский пишет, что определение истины, которое он собирается сформулировать, призвано не «уточнить значение известного слова, используемого для обозначения некоторого нового понятия, напротив, оно должно выразить реальное значение старого понятия» [4]. Это старое понятие выражено в хорошо известном отрывке из «Метафизики» Аристотеля: «...Говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное» [5]. Поэтому конечная цель предлагаемого Тарским точного определения состоит в том, чтобы связать его с интуициями, закрепленными в классической аристотелевской концепции истины, согласно которой «истинное – это всего лишь согласующееся с действительностью» [6].

При определении «истинного» решающим оказывается вопрос о носителях истины (truth bearers), т.е. вопрос о том, что мы называем истинным или ложным. Носители истины должны быть ясно охарактеризованы, поэтому Тарский отказывается от «пропозиции», поскольку считает, что это понятие является неясным. Предложения довольно легко и ясно определяются, пропозиции же метафизичны по своей сути. Только предложения, главным образом повествовательные, становятся по-настоящему оправданными носителями истины. Предложения являются физическими объектами, форма которых определяется синтаксическими правилами. Такого рода объекты («предложения») Тарский называет «конкретными структурно-описательными выражениями» [7], т.е. это в буквальном смысле материальные объекты. Более того, «предложения» следует понимать как «целые классы надписей, эквивалентных с некоторой данной надписью» [8]. Истина же «выражает свойство (или обозначает класс) определенных выражений, а именно предложений» [9].

Таким образом, в качестве носителей истины Тарский выделяет именно предложения (или их классы). Однако необходимо отметить, что то, в каком смысле говорит о предложениях Тарский, исключает большое множество контекстно зависимых высказываний, т.е. таких, истинностное значение которых определяется исходя из

контекста (таково, например, предложение «Я голоден»). Поэтому следует помнить, что семантическая концепция истины разрабатывалась Тарским исключительно для формализованных языков, не содержащих никаких интенциональных выражений (т.е. таких, которые зависят от контекста: местоимений, демонстративов и др.).

Главным условием точного определения истины является критерий материальной адекватности, который отражает оправданность всякого использования предиката «истинно»: предложение «Снег бел» будет истинным предложением тогда и только тогда, когда снег бел. Наиболее точное определение истины должно включать в себя все предложения соответствующей формы: они должны быть материально адекватными. Формальным выражением критерия материальной адекватности стала известная «эквивалентность вида T » (конвенция T):

(T) X истинно тогда и только тогда, когда p .

В схеме (T) X – это имя предложения p [10]. Если определение содержит все предложения формы (T), то оно является адекватным.

Тарский с подозрением относился к повседневному употреблению предиката истины в естественных языках из-за возможности формулирования предложений (например, «Это предложение ложно»), которые приводят к парадоксальным следствиям. Кроме того, естественные языки не позволяют выявить четкие критерии для адекватного определения истины, поскольку нет возможности точным образом выявить формальные структуры этих языков. По этим причинам формально и материально адекватное определение дается Тарским исключительно для четко определенных формализованных языков, структура которых выявляется посредством однозначной характеристики класса «тех слов и выражений, которые должны считаться осмысленными» [11]. Более того, структура формализованных языков обнаруживается исключительно через отсылку к *форме* соответствующих ей выражений. В этом смысле вполне закономерно утверждать, что Тарский предлагает экстенциональное определение истины, которое апеллирует лишь к форме всех возможных правильно построенных выражений, исходя из структуры точно определенного языка. В то же время Тарский признает, что определение предиката истины в рамках естественного, неформализованного языка проблематично, поскольку любое такое определе-

ние лишь приблизительно. Между тем за семантикой должен признаваться статус точной науки, которая со временем станет полностью формализованной и «заменит повседневный язык в научных рассуждениях» [12].

Семантика сталкивается с рядом проблем (главная из них – антиномия лжеца), когда имеет дело с семантически замкнутыми языками. Это языки, которые содержат выражения, имена этих выражений (наподобие имени « X » для предложения p в схеме (T)), правила для адекватного употребления терминов, выражений и построения вторых из первых [13]. В итоге все, что может быть сказано осмысленного в семантически замкнутом языке, определяется исключительно в терминах этого же языка, безотносительно к чему-либо извне. Таким языком является естественный язык, в котором мы постоянно сталкиваемся с антиномиями типа «это предложение ложно».

Следовательно, необходимо принять «решение *не пользоваться языком, который семантически замкнут*» [14], что приводит к введению различия между объектным языком и метаязыком. Поскольку семантически замкнутый, отсылающий к собственной структуре язык приводит к парадоксам, постольку необходимо различать два языка: тот, который «говорит о чем-то» (объектный язык), и тот, который «говорит о самом этом языке» (метаязык). Приходится постулировать возможную бесконечность метаязыков, так как каждый метаязык может в итоге стать объектным языком. Метаязык должен содержать объектный язык в качестве своей части [15], поскольку определение истины (или скорее каждой схемы T , сформулированной в метаязыке) содержит формулировку в объектном языке. Кроме того, метаязык должен включать в себя способ именованя каждого предложения в объектном языке. Следующее требование состоит в том, что семантические термины вводятся в метаязык только через определение, – здесь Тарский приближается к тому, чтобы обеспечить семантику четким основанием. Если всякий новый семантический термин определяется на основании полностью «прозрачных» уже известных терминов, тогда семантика становится чисто дедуктивной наукой (следовательно, реализуется значимая часть позитивистского проекта).

По отношению к семантической концепции истины было выдвинуто немало возражений [16], наиболее типичным из которых является следующее: схема T содержит такую логическую связку, как «биусловный союз», или «эквивалентность» (\equiv), однако известно,

что все логические связки получили свое значение, уже базирываясь на понятии истины, т.е. не содержит ли схема T порочного круга?

Действительно, всякое дедуктивное изложение логики так или иначе предваряется введением истинностных таблиц для связок [17], но эти таблицы не следует трактовать как определение связок, так как связки считаются примитивными символами и все, что формально следует о них знать, содержится в аксиомах, а истинностные таблицы даются только в чисто педагогических целях, чтобы вызвать у читателя такую чисто неформальную реакцию, как понимание, и связанный с ним интерес к предмету изучения. Сама формальная система не нуждается ни в каких истинностных таблицах для своего функционирования, ибо ее интересует не то, будет ли данное предложение истинным, но лишь то, будет ли оно доказуемым. Следовательно, употребление логических связок при определении семантического понятия истины не содержит порочного круга.

Вообще говоря, при разработке формального определения истины Тарский не ставил себе задачей разбор условий, при которых мы принимаем предложение p из правой части схемы T . Единственное, что утверждается в данной схеме, – это то, что если где-либо и когда-либо предложение p оказалось принятым, то одновременно должно быть принято и предложение « x истинно», т.е. в философском отношении определение Тарского оказывается нейтральным. Это позволило некоторым его комментаторам [18] утверждать, что определение истины по Тарскому совместимо со всеми философскими концепциями истины.

Сам Тарский не имеет непротиворечивого мнения по этому поводу, поскольку одновременно признает и нейтральность своего определения, и то, что оно является экспликацией аристотелевской концепции истины. Вместе с тем он тщательно следит за тем, чтобы ни один метафизический термин (под которым он не понимает ни логический, ни математический, ни связанный с какой-либо эмпирической процедурой установления его референта термин) не проник в его формулировку определения истины. Поэтому в метаязыке допускаются только три типа примитивных терминов: 1) взятые из логики или математики; 2) соответствующие терминам объектного языка; 3) имена выражений из объектного языка.

Таким образом, Тарский определяет понятие истины в терминах метаязыка – языка, в котором должна выражаться теория истины для объектного языка. Метаязык содержит объектный язык, для которого

и формулируется определение истины. Чтобы это стало возможным, метаязык должен обладать свойством формальной корректности и быть существенно богаче, чем его объектный язык, тогда с каждым термином метаязыка можно связать вполне определенный термин объектного языка так, что выводимые предложения одного языка окажутся связанными с выводимыми предложениями (утверждениями) другого языка. Более того, при соблюдении условия «богатства» можно избежать, с точки зрения Тарского, неявного определения предиката «истинно», а дать его явное определение через «выполнимость».

Определение истины посредством выполнимости. Тарский считает, что определение истины можно очень легко получить из определения другого семантического понятия – понятия выполнимости, которая «есть отношение между произвольными объектами и определенными выражениями, называемыми “*пропозициональными функциями*”» [19]. Эти пропозициональные функции могут быть также названы «открытыми предложениями», хотя они вообще не являются предложениями. Данные функции суть выражения, которые содержат свободные переменные (например, « x бел»), тогда как повествовательные предложения (то, к чему Тарский в своем исследовании обращается) – фактически являются выполненными пропозициональными функциями. Так, например, снег вполне оправданно выполняет пропозициональную функцию « x бел», а ее выполнение дает в результате истинное предложение [20]. Для более сложных пропозициональных функций выполнимость определяется рекурсивно. Пример Тарского: « x больше, чем y , или x равно y » [21]. В целом же выполнимость переносится на анализ предложений – выполненных или проинтерпретированных [22] пропозициональных функций. Такое расширение приводит Тарского к следующему выводу: «Выясняется, что для предложения возможны лишь два случая: предложение выполняется либо всеми объектами, либо одним из них. Отсюда мы легко получаем определение истинности и ложности: *предложение истинно, если оно выполняется всеми объектами, и ложно в противном случае*» [23].

Для сложных функций выполнимость определяется рекурсивно, причем эти функции не ограничены числом содержащихся в них переменных. Тарский обращается к последовательностям n -го порядка: «Рассматривая вопрос о том, какие последовательности выполняют данную пропозициональную функцию, мы всегда будем иметь в виду такого рода однозначную подчиненность свободным переменным рассматриваемой функции некоторых выражений по-

следовательности f , при которой каждой переменной соответствует выражение последовательности с тем же самым индексом (т.е. переменной v_k – выражение f_k)» [24].

Таким образом, для функции s , содержащей n переменных, будет верно следующее: если имеется упорядоченная последовательность n -го порядка $f = \langle w_1, w_2, w_3, w_4, \dots, w_n \rangle$, то функция s будет истинной тогда и только тогда, когда содержащаяся в ней переменная x_1 соответствует члену w_1 из последовательности f , переменная x_2 соответствует w_2 и так далее до переменной x_n , которая соответствует w_n . Итак, если для функции s имеется последовательность f , упорядоченные члены которой выполняют данную функцию, тогда s истинна. В этом смысле предложение является истинным, если оно выполняется всеми членами упорядоченной последовательности n -го порядка f . Иллюстрацией такой функциональной зависимости может выступить следующая эквивалентность: «снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел. Общее определение истины содержит все предложения вида (Т). Следует отметить, что в этом случае используемый Тарским логический аппарат признает существование лишь дискретных объектов (членов последовательности) и множества этих объектов.

Во всяком случае, результатом предпринятой Тарским формулировки формально и материально адекватного определения истины является следующее.

1. Согласно критерию материальной адекватности точное определение истины должно содержать все схемы установленной формы: *X истинно тогда, и только тогда, когда p*, где «X» является именем p .

2. Понятие «истина» формальным образом возможно определить через другое семантическое понятие – «выполнимость». В результате получается следующее: *X истинно тогда и только тогда, когда все содержащиеся в нем переменные выполняются соответствующими обозначениями объектов (членами последовательности), содержащихся в p*. Поэтому истинно, что снег бел, тогда и только тогда, когда снег действительно бел. Это предложение является истинным, поскольку выполняется всеми входящими в него объектами.

3) Предикат «истинно» определяется в метаязыке, а не в объектном языке, что позволяет избежать антиномии лжеца. Этот предикат может быть назван «истинно-в- L », где L обозначает объектный язык. Тогда высказывание критянина «все критяне – лжецы» является высказыванием метаязыка, согласно которому все предло-

жения, произнесенные в объектном языке L (языке критян), являются ложными. В соответствии с Конвенцией (T)

(T) X истинно тогда и только тогда, когда p .

То есть (T) полностью формулируется в метаязыке, а X выступает именем предложения из объектного языка L .

Схема T явным образом фиксирует важную особенность понятия истины – его базовый характер в отношении между объектным языком (языком, описывающим действительность) и метаязыком (языком, описывающим объектный язык), а осуществленная Тарским ясная артикуляция представленного выше критерия материальной адекватности вносит значительный вклад в понимание истины. Впервые предлагая критерий материальной адекватности определения предиката истины в работе «Понятие истины в языках дедуктивных наук», Тарский осторожно замечает, что данный критерий является лишь критерием адекватности частного понятия истины, а именно, семантического понятия, согласно которому *«истинное высказывание – это такое высказывание, которое выражает то, что дела обстоят так-то и так-то, и дела именно так и обстоят»* [25]. Последнее утверждение, по сути, является уточнением того, что Тарский называет «классической концепцией истины», согласно которой *«истинное – это всего лишь согласующееся с действительностью»* [26]. Между тем не совсем ясно, почему семантическое определение истины, дающее точную дефиницию понятия истины, должно в конечном счете означать корреспондентную теорию истины, которая пытается дать эксплицитное, а значит, и общее определение истины. Видимо, Тарского не удовлетворяло чисто логическое решение проблемы истины, и он попытался найти определенное онтологическое основание в теории корреспондентного типа, которая сама по себе не является логически непротиворечивой. Несмотря на это, очевидна заслуга Тарского: отказываясь от определения предиката истины в естественных языках и фактически не пытаясь дать общее определение истины, он дает формально корректное и материально адекватное определение «истинного предложения», которое имеет частный характер.

Экстенциональный характер точной дефиниции. Определение истины, как его формулирует Тарский, является чисто экстенциональным, т.е. оно характеризует класс всех предложений, истинных в силу того, что они отвечают критериям материальной адек-

ватности и выполнимости. Другими словами, «истинное предложение» обозначает множество объектов, удовлетворяющих изложенным выше условиям формально и материально адекватного определения истины. И хотя такое определение неприменимо, согласно Тарскому, к естественным языкам, оно обеспечивает экстенциональной характеристикой выражение «истинное предложение».

Как известно, разные выражения могут иметь один и тот же экстенционал, т.е. могут использоваться для обозначения одних и тех же вещей. Обратимся к классическому примеру, который приводит Г. Фреге [27]: выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» имеют один и тот же экстенционал, обозначающий множество, единственным членом которого является планета Венера. Тарский определяет истину в экстенциональных контекстах: подстановка слова «снег» вместо x в выражении « x бел» (т.е. использование этого слова для интерпретации пропозициональной функции) дает в результате истинное предложение, если то, что подпадает под экстенционал термина «снег», подпадает также под экстенционал предиката «белый».

Работая в экстенциональном контексте, Тарский не учитывает значения выражений, используемых при подстановке в пропозициональных функциях вместо переменных, т.е. не учитывает интенционалы этих выражений, зависящие от времени и места (например, личные местоимения «он», «она», указательные местоимения «это», «тот», наречия «здесь», «там» и др.): интенционалом выражения является его значение в определенном контексте. Таким образом, Тарский обращается к анализу экстенционала «истинного предложения», а не (по крайней мере, не главным образом) значения «истины».

Достаточно сказать, что для Тарского значение «истины» исчерпывается логической конъюнкцией всех истинных предложений данного языка, что отвечает строгому определению предиката «истинно». Однако остается два вопроса. Во-первых, требуется ли для замены переменной пропозициональной функции понимать значение выражения (знать его интенционал)? Во-вторых, каково значение термина «истина» в противоположность предикату «истинно»? Тарский не дает ответы на эти вопросы. По его мнению, вопрос «что есть истина?» должен адресовываться исключительно к предложениям и способам приписывания им предиката истины.

Следует обратить внимание на важный вопрос об интерпретации пропозициональной функции, благодаря которой и возможно приписывание истинностного предиката. Исходя из проведенной

экспликации семантической концепции Тарского очевидно, что неинтерпретированные функции не являются ни истинными, ни ложными. Только благодаря процедуре интерпретации они получают свое истинностное значение. Но для того чтобы осуществить интерпретацию некоторой функции, представленной в естественных или формальных языках, необходимо понимать термины, составляющие ее формальную структуру. Однако вопросы понимания языка (естественного или формального) не включены в проведенный Тарским анализ понятия истины. Это кажется несколько странным, поскольку Тарский называет свою концепцию *семантической*, хотя предпринятое им исследование истины фактически оказывается сугубо синтаксическим, не зависящим от значений, входящих в формальную структуру языка, для которого так важно определить понятие «истина».

Семантическое определение истины часто критикуется на том основании, что оно принципиальным образом исключает из рассмотрения естественный язык и предполагает исследование лишь функционирования истинностного предиката в четко определенных формальных, т.е. искусственных языках. Такое исключение естественного языка из предмета исследования обусловило экстенциональный характер семантического проекта Тарского, настаивающего на включении в анализ истинности предложений только однозначных, точных имен объектов. Указательные местоимения и разнообразие интенциональные контексты должны быть исключены из анализа в силу собственной неопределенности.

Таким образом, исходя из экспликации сформулированного Тарским точного определения истины становится ясным следующее: 1) это точное определение является частным, т.е. применимым исключительно к формализованным языкам, что и есть основное его ограничение; 2) в силу своего экстенционального характера такое определение не дает значения «истины», а лишь характеризует класс всех предложений, истинных по причине того, что они отвечают критериям материальной адекватности и выполнимости.

Неопределимость истины: от минимализма к фундаментализму

Истина как доаналитическое понятие. Тарский надеялся выявить значение понятия «истина», не ставя под сомнение оправданность самой попытки его определения. Однако эту надежду разделя-

ют далеко не все философы, обращающиеся к проблеме истины. Сегодня широкое распространение получает эпистемологический проект элиминации истины, призванный показать, что это понятие избыточно и его вполне можно не принимать всерьез. Для таких теорий закрепились названия «теория избыточности» (redundancy theory) [28], «дисквотациональная теория» (disquotational theory) [29], «минималистская теория» (minimal theory) и др. Как правило, все эти теории обобщаются под одним названием – «дефляционная теория истины» (deflationary theory of truth) [30].

Согласно дефляционной теории истины, утверждать, что высказывание является истинным, означает утверждать само это высказывание. Например, сказать, что «снег бел» истинно (или истинно, что снег бел), эквивалентно тому, чтобы просто сказать, что снег бел. Таким образом, для всех теорий и концепций, пытающихся определить истину, характерна общая ошибка: все они признают, что истина имеет некую природу, которую можно было бы обнаружить. Для дефляциониста истина не имеет никакой природы, кроме той, которая схватывается в обычных утверждениях, типа того, что «снег бел» истинно только в том случае, когда снег бел. Философов же, ищущих природу истины, в конечном счете ожидает разочарование, поскольку они ищут то, чего нет [31].

В силу большого разнообразия теорий дефляционного типа представляется проблематичным их исчерпывающее рассмотрение в рамках одной статьи, хотя поднимаемые ими проблемы имеют большое значение для философии. Здесь же важно отметить два основных тезиса, вытекающих из дефляционного представления об истине. Во-первых, это представление об избыточности данного понятия. Во-вторых, это признание неопределимости истины в силу того, что истина вообще не имеет какой-либо природы (т.е. фактически не является тем, что имеет значение, к чему-либо отсылает), которая бы явным или неявным образом могла быть определена. Первый тезис, утверждающий избыточность истины, оказывается весьма уязвимым для критики со стороны теорий, пытающихся дать хоть какое-то определение истины. Наибольший интерес для целей настоящей статьи представляет тезис о неопределимости истины. В этом отношении наиболее показательной теорией дефляционного типа является минимальная теория П. Хорвича, к которой и имеет смысл обратиться.

Минимализм Хорвича является теорией, которая формулируется посредством бесконечной конъюнкции следующего вида: «(MT)

Пропозиция, что кварки действительно существуют, истинна тогда и только тогда, когда кварки действительно существуют, пропозиция, что лгать плохо, истинна тогда и только тогда, когда лгать плохо... и так далее» [32]. В более кратком выражении минимальная теория предстает в виде следующей схемы:

(MT) $\langle p \rangle$ истинно тогда и только тогда, когда p ,

где $\langle p \rangle$ обозначает *пропозицию, что p* . Пропозиция, выступая носителем истины, в данном случае понимается как содержание некоторого утверждения. Далее Хорвич пишет: «...ничего более за истину не принимается. На этом основании может быть объяснена концептуальная и теоретическая роль истины. Оно подкрепляет наше подозрение относительно того, что традиционная попытка узреть сущность истины – подвергнуть анализу то особое качество, которое, по общему мнению, разделяют все истины, – является лишь псевдопроблемой, основывающейся на чрезмерном синтаксическом обобщении» [33].

В этом аспекте Тарский фактически оказывается сторонником традиционного подхода к проблеме истины, поскольку он пытается подвергнуть анализу это «особое качество», разделяемое всеми истинами. Таким образом, Тарский попадает в ловушку чрезмерного синтаксического обобщения – ловушку формализма и физикализма, которая заставляет его рассматривать предложения как физические, формально определенные объекты, которым приписывается истинностный предикат. Определение предиката истины, которое предлагает Тарский, сосредоточивается на синтаксической, формальной структуре языка. В итоге множество всех истинных предложений объединяет то, что все они имеют общую структуру.

Хорвич, по сути, принимает схему (T) в качестве теории истины, однако он отказывается от понятий метаязыка, выполнимости и связанных с ними других понятий. Хорвич критически замечает, что «можно предлагать или не предлагать основание, которое бы сложным образом связывало истину с чем-то другим, например с утверждением, верификацией, референцией, значением, успехом или логическим следованием. Минимализм же содержит утверждение о том, что истина в определенном смысле безупречна: ее понимание не зависит от других идей» [34].

Зачастую истина эксплицируется через ее отношение с другими понятиями. Так, например, Тарский определяет истину через «вы-

полнимость». Согласно же Хорвичу истина характеризуется исключительно через эквивалентность, которая не требует привлечения дополнительных понятий: $\langle p \rangle$ истинно тогда и только тогда, когда p . Но если «истина» предстает понятием, которое не требует дополнительного обоснования, тогда возможно ли вообще его определить? Хорвич пишет: «Значение слова “истина” есть его употребление в нашем языке, которое определяется нашей предрасположенностью принимать конкретные примеры эквиваленции (MT). Таким образом, значение слова “истина” определяется лингвистической практикой, имплицитруемой нашим одобрением данной теории истины. Понимание слова “истина” есть такое состояние сознания, которое обеспечивает способность соответствовать этой лингвистической практике и помогает объяснить нашу согласованность с ней» [35]. Следовательно, минимальная теория истины фактически предстает в качестве того, что предваряет любое теоретическое осмысление истины, которая оказывается неопределимым понятием, поскольку в конечном итоге упирается в конкретные примеры схемы (MT), раскрывающей доаналитический характер истины.

Для того чтобы теория истины указанного вида могла иметь хоть какую-то объяснительную силу, она должна быть связана с некоторой другой теорией. Из доказательства Хорвича следует, что «если одна пропозиция (материально) имплицитрует другую и поскольку первая является истинной, то таковой же является и вторая» [36]:

- (1) возможно объяснить каждую отдельную пропозицию формы $\langle [p \ \& \ (p \rightarrow q)] \rightarrow q \rangle$;
- (2) Следовательно, возможно объяснить каждую пропозицию формы $\langle \langle p \rangle \text{ истинно} \ \& \ (p \rightarrow q) \rightarrow \langle q \rangle \text{ истинно} \rangle$ [из (1) и (MT)];
- (3) исходя из значения «имплицитрует» получаем каждую пропозицию формы $\langle \langle p \rangle \text{ имплицитрует} \ \langle q \rangle \rightarrow (p \rightarrow q) \rangle$ [посылка];
- (4) следовательно, получается каждый конкретный пример $\langle \langle p \rangle \text{ истинно} \ \& \ \langle p \rangle \text{ имплицитрует} \ \langle q \rangle \rightarrow \langle q \rangle \text{ истинно} \rangle$ [из (2) и (3)];
- (5) следовательно, каждая пропозиция формы $\langle \langle p \rangle \text{ истинно} \ \& \ \langle p \rangle \text{ имплицитрует} \ \langle q \rangle \rightarrow \langle q \rangle \text{ истинно} \rangle$ [из (4) и (MT)].

В посылке (3) Хорвич дополняет свое доказательство теорией значения, соединяя ее с эквивалентностью (*MT*), чтобы доказать вывод (5). Теория значения, сторонником которой является Хорвич, – это теория значения как условий утверждаемости (*assertibility-condition theory of meaning*) [37]. Условия утверждаемости – это условия, при которых то, что утверждается, может быть истинным. Подобная теория выдвигается в противовес уже ставшей классической теории значения как условий истинности (*truth-condition theory of meaning*). Согласно последней, условия истинности – это необходимые и достаточные условия, при которых предложение является истинным. Теории значения как условий истинности в явном виде придерживается Д. Дэвидсон.

Дэвидсон критикует позицию Хорвича по следующим основаниям. Прежде всего Дэвидсон выступает против того, чтобы в качестве носителей истины рассматривать пропозиции: в конкретных примерах схемы эквивалентности (*MT*), которую предлагает Хорвич, одно и то же выражение повторяется дважды:

(*MT*) «Сократ мудр» тогда и только тогда, когда Сократ мудр.

Закавыченное выражение является именем пропозиции, а значит, не имеет никакой семантической структуры, т.е. термин («Сократ») и то, что ему приписывается («мудр»), сами по себе ничего не обозначают. Второе же выражение, находящееся в правой части эквиваленции, является обычным предложением, которое имеет определенную семантическую структуру, т.е. вполне осмысленно.

Таким образом, важно отметить следующее. Во-первых, если мы принимаем закавыченное предложение в качестве имени пропозиции, то в нашем распоряжении остается бесконечный словарь имен. Во-вторых, «мы не способны понять следствие этого повтора до тех пор, пока не сможем увидеть, как использовать семантические свойства повторенного предложения в обоих его проявлениях – использовать для того, чтобы сделать конкретные примеры этой схемы осмысленными» [38]. Другими словами, второе возражение в адрес минимализма Хорвича заключается в том, что истина рассматривается безотносительно к другим понятиям, в особенности безотносительно к значению. Это возражение, конечно же, связано со спецификой философских взглядов Дэвидсона, согласно которым утверждать, что значение фактически определяется условиями истинности, означает провозглашать неразрыв-

ность этих понятий. «Я не вижу, – пишет Девидсон, – каким образом (если истина является условием утверждаемости, а знание условий утверждаемости есть понимание) мы можем понимать некоторое предложение без того, чтобы иметь понятие истины» [39]. Однако, как считает Дэвидсон, попытка определить истину приводит к поискам ее сущности, которой попросту нет. Между тем идея базового характера «истины» представляется существенной в методологическом отношении: она позволяет нам определять истинность T -предложений, порождаемых теорией Тарского.

«Парадокс референции» и базовый характер истины. Дэвидсон в отличие от Тарского сосредоточивается преимущественно на исследовании естественного языка. Хотя конвенция T обеспечивает нас условиями, при которых некоторое высказывание может считаться истинным (истинно-в- L для определенного носителя языка в определенное время), эти условия сами по себе еще не очевидны. Другими словами, требуется определенное основание, для того чтобы из множества самых разнообразных условий признавать за условия истинности именно такие, которые точным образом определены, что, в свою очередь, требует обращения к вопросу о том, к чему эти условия отсылают, т.е. к вопросу об их значении. Поэтому большая часть исследований Дэвидсона посвящена разработке адекватной теории значения.

Существенным компонентом теории значения должно являться, согласно Дэвидсону, такое понимание истины, которое бы полностью проясняло условия, при которых предложение из языка L является истинным. В этом состоит так называемое «абсолютное определение истины». Как правило, анализ предложений сводится к исследованию составляющих его частей (предикаты, кванторы, союзы и т.д.), а истинность тех или иных предложений объясняется посредством того, что «истинное значение каждого предложения получается из свойств и расположения элементов предложения» [40]. Следовательно, истина находится в зависимости от семантических свойств этих элементов (имен, предикатов и др.), при исследовании которых самым релевантным свойством оказывается референция [41]. В чем же состоит сущностный анализ референции? Дэвидсон начинает этот анализ с указания на то, что, как кажется на первый взгляд, мы не можем обойтись без референции, однако заканчивает он утверждением о том, что необходимо отказаться от этого понятия.

Дэвидсон предлагает представить, что в некоторый язык, интерпретируемый посредством теории истины Тарского, вводится но-

вый предикат (например, «*x* летает»). Референции может быть дано эксплицитное определение (например, посредством «выполнимости»), и такое «определение... явным образом ограничивает применение выполнимости фиксированным конечным списком предикатов» [42]. Если в язык добавляется некоторый новый предикат, то он не будет выполняться ни одним объектом, поскольку в определении фиксируется только конечный список предикатов. В статье «Структура и содержание истины» Дэвидсон конкретизирует этот момент и указывает на то, что понятие истины, как его определяет Тарский, вполне открыто для дальнейшей характеристики, даже если оно и ограничено. Охарактеризовать истину вполне возможно посредством базисного понятия «референция». Однако в другой своей статье («Реальность без референции» [43]) Дэвидсон настаивает на том, что от «референции» следует отказаться.

Дэвидсон рассматривает своеобразную атомистическую версию теории значения – так называемую «теорию строительного камня» (the building-block theory), благодаря которой становится возможным анализировать семантические свойства каждого элемента предложения. Однако это с неизбежностью приводит к абсолютно нелингвистическому анализу понятия «референция»: «...Существенный вопрос заключается в том, существует ли *определенное* место или хотя бы какое-нибудь место, где наличествует непосредственный контакт между лингвистической теорией и событиями, действиями или объектами, описанными не в лингвистических терминах» [44]. Объяснение референции для простых единичных терминов обеспечило бы нас объяснением более сложных терминов и предикатов, которые бы сделали возможным охарактеризовать «выполнимость» таким образом, чтобы теория истины Тарского стала полностью развернутой. В итоге теория истины могла бы быть построена на базе «референции». Однако для Дэвидсона объяснение референции с позиции «теории строительного камня» является необоснованным.

Хотя сам Дэвидсон особым образом никак не аргументирует свое заключение, его точка зрения сводится к тому, что нельзя охарактеризовать референцию посредством обращения исключительно к нелингвистическим терминам. «Референция» не может быть исследована посредством простого обращения к реальности, следовательно, «референция» вообще не может быть подвержена какому-либо анализу. Таким образом, Дэвидсон приходит к тому, что он обозначает как «парадокс референции»: так называемая атомистиче-

ская версия теории значения («теория строительного камня»), которая сосредоточивается на изучении элементов предложения, с тем чтобы объяснить истинность всего предложения, оказывается неэффективной, поскольку невозможно дать никакой лингвистический анализ референции; другая же теория, рассматривающая предложения в их целостности, стремясь связать язык с поведением, описанным в лингвистических терминах, оказывается неспособной объяснить семантические свойства тех элементов, из которых состоят предложения, а «без такого объяснения мы, очевидно, не можем объяснить истину» [45]. Мы не способны объяснить истину исходя из второй позиции, поскольку семантическая концепция Тарского требует понятия «выполнимость», которое, в свою очередь, вполне может быть выведено из понятия «референция». Однако последнее понятие лишено каких-либо очевидных оснований, и в результате приходится «отказаться от понятия референции как основополагающего для эмпирических теорий языка» [46].

Эмпирические теории языка предполагают вопросы особого вида. Как замечает Дэвидсон, «эмпирический вопрос – как определить посредством наблюдения и индукции, какие условия истинности связаны с эмпирической истиной» [47]. Он стремится разработать эмпирическую теорию языка, подкрепленную достаточно очевидным основанием – лингвистическим поведением, где нет места для такого понятия, как «референция», тем более что референция не является критерием правильности той или иной теории истины.

Дэвидсон проводит различие между объяснением в рамках теории и объяснением самой теории: первое объяснение требует постулирования базовых понятий, таких как «слово», «значение слова», «референция» и «выполнимость». Однако существенной характеристикой такого рода теории остается то, что она является эмпирической, а значит, остается открытой для подтверждения собственной правильности. Теория истины Тарского должна быть модифицирована для объяснения того, каким образом мы понимаем или интерпретируем сказанное носителем языка, причем неважно какого – нашего или какого-либо неизвестного нам языка.

Таким образом, подтверждение теории не осуществляется на основании референции, которая вообще не может выступать очевидным основанием теории языка. Несмотря на это, Дэвидсон признает базовый характер «референции», необходимость ее постулирования для объяснения *в рамках* теории. Однако в обосновании

правильности теории это понятие не играет никакой существенной роли: «...Теория отказывается от референции в качестве части платы за эмпиричность» [48]. Это означает, что теория должна основываться на *T*-предложениях и ни на чем больше. Такая теория истины содержит своего рода доаналитическое понятие истины, в силу которого возможно установить, какие свидетельства подтверждают истинность *T*-предложений. Что же касается референции, то «она не играет существенной роли в объяснении отношений между языком и реальностью» [49]. Референция может оказаться полезной при изложении сути теории, но она бесполезна для подтверждения самой этой теории. Референция требуется теории для того, чтобы теория стала приемлемой, тогда как сама референция остается необъяснимой.

Необходимо отметить, что такое повышенное внимание со стороны Дэвидсона к понятию референции и вопросу о том, способна ли референция хоть как-нибудь выступить обоснованием теории истины, далеко не случайно и обусловлено отчасти представленным Х. Филдом в статье «Теория истины Тарского» физикалистским пониманием семантической концепции истины. Филд пишет, что «семантика Тарского объясняет семантические свойства сложных выражений... в терминах семантических свойств примитивных элементов» [50]. Таким образом, Филд придерживается атомистической позиции при построении теории истины, Дэвидсон же выступает против этой позиции, критикуя ее по двум основаниям. Во-первых, «референция» не характеризуется тем способом, который описывает Филд, по причинам, изложенным выше. Во-вторых, «референция» должна приниматься как базовый компонент теории истины, а любая попытка построения теории референции приводит к тому, что из виду упускается ее фактическая неспособность выступить основанием для правильности теории истины. Кроме того, для Дэвидсона «семантические свойства языка являются публичными свойствами» [51], т.е. лингвистическое поведение становится единственным публичным критерием для интерпретации выражений носителя того или иного языка. Дэвидсон, вслед за У. Куайном [52], подчеркивает тот факт, что мы можем сконструировать теорию референции R_1 , альтернативную теории референции R_2 , однако обе эти теории, будучи несовместимыми, тем не менее, соответствуют одним и тем же фактам. На этом основании Дэвидсон отвергает идею о том, что теория референции может оказаться полезной при построении теории истины. Если же «референция», признаваемая как

то, что самым непосредственным образом позволяет нам связать язык и мир, в то же время отвергается в силу неспособности дать объяснение истинности такой связи, то и само понятие «истина» становится далее неопределимым, поскольку лишается возможности вообще чему-либо соответствовать или на что-либо указывать.

Понятие «истина», согласно Дэвидсону, имеет базовый характер: «...Поскольку все мы так или иначе понимаем друг друга, постольку мы должны иметь адекватное свидетельство для приписывания условий истинности высказываниям других людей. Следовательно, все мы имеем соответствующее схватывание понятия истины, которое применяется к лингвистическому поведению других людей» [53]. Фундаментальное схватывание истины позволяет определять условия, при которых то или иное предложение является истинным. И в этом смысле «истина» предстает базовым философским понятием.

Дэвидсон считает, что аксиоматизированная теория истины Тарского вполне могла бы быть применена к анализу истинности предложений естественного языка. Обратимся к примеру [54]. Английское выражение «the banks of the Nile» в силу двусмысленности слова «bank» может обозначать берега реки Нила или финансовый конгломерат Египта. В зависимости от контекста следует по-разному понимать высказывания, содержащие данное выражение. Например, утверждается: «The banks of the Nile crashed yesterday». Это утверждение можно понимать двояко: «Вчера банки Нила обанкротились» или «Вчера Нил вышел из берегов». Однако условие истинности для выражения «The banks of the Nile crashed yesterday» будет одним и тем же:

(T') «The banks of the Nile crashed yesterday» истинно тогда и только тогда, когда the banks of the Nile crashed yesterday.

Наше дотеоретическое схватывание истины сообщает нам, что это истинное *T*-предложение. В то же время наше понимание английского языка сообщает нам, что это предложение двусмысленно. Таким образом, высказывание «the banks of the Nile crashed yesterday» не может интерпретироваться безотносительно к тому носителю языка, который делает это высказывание. Прояснить смысл данного высказывания помогают такие вопросы, как «затоплены ли пустыни?» или «какова реакция национального банка?». Иными словами, необходимы дополнительные эмпирические свидетельства в пользу того или иного смысла предложения, имеющего одно и то

же значение, определяющееся условиями истинности этого предложения, т.е. посредством того, что выражает (T). Тарский же, согласно Дэвидсону, не дает общего определения истины, поскольку приводимая им формальная дефиниция понятия истины практически бесполезна для эмпирической теории.

Тарский разрабатывал теорию, способную распознать истинное T -предложение и узнать значение соответствующего предложения без необходимости его понимать. Между тем истинность предложения во многом зависит от того контекста, в котором оно высказывается, и от его интерпретации тем или иным носителем языка. Контекст есть то, что делает двусмысленное высказывание однозначным выражением. И именно этот важный момент упускается из виду в семантической концепции истины. Таким образом, согласно Дэвидсону, следует отказаться от всяких попыток *определения* истины, но в тоже время надо сохранить *теорию* истины, которая может быть названа семантической только в том случае, если разработанная Тарским «синтаксическая» концепция истины будет дополнена понятием «интерпретация». В результате такого эмпирического наполнения концепции Тарского становится возможной семантическая теория истины для естественного языка.

Таким образом, очерчиваются границы точного и значимого определения истины. На роль точного определения понятия истины вполне претендует формулировка истины, данная Тарским, как она предстает в схеме эквивалентности вида T . Однако в силу своего экстенционального характера такая формулировка остается недоопределенной и в этом смысле «незначимой». Вопрос о значении понятия «истина» оказывается в такой ситуации весьма существенным. При обращении к дефляционной теории истины он решается однозначно: истина ни к чему не отсылает, а следовательно, является неопределимой. Вместе с тем базовый характер понятия истины должен быть сохранен в объяснении его как фундаментального (до-теоретического и доаналитического) понятия.

Примечания

1. См.: Горский Д.П. Определение: логико-методологические проблемы. – М.: Мысль, 1974.

2. Конечно, по поводу того, что такое «значение», сегодня существуют самые разнообразные представления. Однако для целей данного исследования вполне подходит понимание «значения» как того, к чему некоторое языковое выражение отсылает. Вряд ли кто-либо из философов станет выступать против такого интуитивно ясного понимания «значения».

3. Достаточно проблематичным представляется именование подобного проекта «теорией истины», поскольку фактическая элиминация истины из значимого теоретико-познавательного контекста приводит к тому, что оказывается не на чем далее строить какую-либо теорию. Более подходящим было бы обобщить подобные представления об избыточности истины под названием «дефляционный подход к истине». Однако в конечном счете это остается вопросом терминологического характера.

4. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998. – С. 91.

5. *Аристотель.* Метафизика. – М.: ЭКСМО, 2005. – С. 49.

6. *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 20.

7. *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук. – С. 24.

8. Там же.

9. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики. – С. 96.

10. Там же. – С. 95.

11. Там же. – С. 97.

12. Там же. – С. 98.

13. Там же. – С. 99–100.

14. Там же. – С. 100.

15. Там же. – С. 101.

16. *Field H.* Tarski's theory of truth // *Journal of Philosophy*. – 1972. – V. 69, No. 13; *Naac S.* Is it true what they say about Tarski? // *Philosophy*. – 1976. – V. 51.

17. Способ описания логических связей и связываемых элементарных предложений через построение таблиц истинности был предложен Л. Витгенштейном (см.: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы / Сост., вступ. статья, прим. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1.).

18. См.: *Naac S.* Is it true what they say about Tarski?

19. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики. – С. 104.

20. Следует отметить, что нахождение процедуры, определяющей, какие объекты (и для каких функций) дают в результате истинные предложения, не входит в задачи Тарского. Скорее, это эмпирический вопрос, как его проблематизирует Дэвидсон (*Davidson D.* The structure and content of truth // *The Journal of Philosophy*. – 1990. – V. 87, No. 6). Хотя семантическая концепция Тарского имеет определенные эпистемологические следствия, тем не менее любое эпистемологическое следствие оказывается внешним по отношению к данной дедуктивной теории.

21. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики. – С. 105.

22. Поместить «снег» в функцию «х бел» означает проинтерпретировать данную функцию.

23. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики. – С. 105.

24. *Тарский А.* Понятие истины в языках дедуктивных наук. – С. 63.
25. Там же. – С. 22.
26. Там же. – С. 20.
27. *Фреге Г.* Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.
28. Теория избыточности истины вполне оправданно приписывается Ф.П. Рамсею: «...Очевидно, 'Истинно, что Цезарь был убит' означает не более чем, что Цезарь был убит». *Рамсей Ф.П.* Философские работы. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. – С. 104.
29. Согласно дисквотациональной теории Куайна [*Quine W.V.O.* Pursuit of truth. – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1990], значение слова «истина» фиксируется посредством определенных логических эквивалентностей: «“Не всё то золото, что блестит” истинно, если и только если не все то золото, что блестит; «Франция шестиугольна», если и только если Франция шестиугольна... и т.д.». Прибавление к закавыченному предложению выражения «истинно» подобно снятию кавычек («дисквотация») с этого предложения. Дисквотациональная теория рассматривает понятие «истина» в качестве предиката предложений. Таким образом, «истина» позволяет нам вести разговор о словах, который логически эквивалентен разговору о мире.
30. Историю дефляционизма имеет смысл отсчитывать начиная с работ немецкого логика Г. Фреге: «...Можно сказать: “Та мысль, что 5 – простое число, истинно”. Однако, если присмотреться повнимательнее, то становится очевидным, что мы не сказали ничего сверх того, что уже сказано в простом предложении “5 – простое число”» [*Фреге Г.* Избранные работы / Пер. с нем. В.В. Анашвили, В.А. Куренного, А.Л. Никифорова, В.А. Плунгяна; сост. В.В. Анашвили и А.Л. Никифоров. – М.: Дом интел. книги; Рус. феноменол. об-во, 1997. – С. 33].
31. *Stoljar D.* Deflationary theory of truth [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/truth-deflationary> truth-coherence, свободный.
32. *Horwich P.* Truth. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – P. 5.
33. *Ibid.* – P. 6.
34. *Ibid.* – P. 12.
35. *Ibid.* – P. 38.
36. *Ibid.* – P. 21–22.
37. Такая теория значения представлена Хорвичем в его работе «Значение, употребление и истина» (см.: *Horwich P.* Meaning, Use, and Truth // Mind. – 1995. – V. 104, No. 414).
38. *Davidson D.* The folly of trying to define truth // The Journal of Philosophy, – 1996. – V. 93, No. 6. – P. 274.
39. *Ibid.* – P. 275.
40. *Фреге Г.* Избранные работы. – С. 301.
41. Под референцией обычно понимают вид непосредственной связи языкового выражения с предметом в мире. Подробнее см.: *Davidson D.* The folly of trying to define truth.
42. *Фреге Г.* Избранные работы. – С. 304.
43. См.: *Фреге Г.* Избранные работы.
44. Там же. – С. 306.
45. *Дэвидсон Д.* Исследования истины и интерпретации / Пер. А.А. Веретенникова и др. – М.: Праксис, 2003. – С. 308.
46. Там же. – С. 309.
47. *Davidson D.* The folly of trying to define truth. – P. 277.
48. *Дэвидсон Д.* Исследования истины и интерпретации. – С. 311.

-
49. Там же. – С. 314.
50. *Field H.* Tarski's theory of truth. – P. 274.
51. *Дэвидсон Д.* Исследования истины и интерпретации. – С. 316.
52. См.: *Куайн У.* Слово и объект. – М.: Логос-Практис, 2000.
53. *Davidson D.* The structure and content of truth. – P. 301.
54. *Davidson D.* The structure and content of truth.

Томский государственный
университет, г. Томск

***Tarabanov, N.A.* Truth: from indefinable to not predetermined (semantic conception of A. Tarsky, minimalism of P. Horvich and fundamentalism of D. Davidson)**

In the article borders of exact and significant definition of truth are outlined. The condition of exact definition of truth is answered with the formulation of truth in Tarski's semantic conception. However by virtue of the extensional character, such formulation remains not predetermined, and in this sense not 'significant'. The question on meaning of concept 'truth' is solved at the reference to the deflationary theory of truth – the truth to whatever does not send, hence, is indefinable. At the same time, the base character of truth in its explanation as fundamental (pretheoretical and preanalytic) concept is kept.

Keywords: truth, indefinable, not predetermined, concept